

© А.Г. ЕМАНОВ

a_emanov@mail.ru

УДК 94(100). 653

ВЕЛИКАЯ ПАНДЕМИЯ СЕРЕДИНЫ XIV ВЕКА КАК ФИНАЛ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена демографической катастрофе середины XIV века. Рассматриваются различные оценки места и роли «черной смерти» 1348 г. в судьбах мира и Западной Европы, разные «ответы» сообществ Запада и Востока на посланное природой испытание. Оценивается потенциал концепции конца средневековой истории в середине XIV века. Анализируется «История мора, или великой смертности» итальянского автора Габриэле де Мусси, составленная в 1348 г. и сообщающая о начале распространения чумы во время осады татарами генуэзской колонии Кафы в Крыму. Критикуется точка зрения ряда исследователей, утверждающих о первом случае в мировой истории применения бактериологического оружия. Высказывается сомнение в том, что демографическая катастрофа 1348 г. привела к изменению сущностных основ средневекового общества. Отмечается усиление иррациональных тенденций в поведении человека, распространение движения флагеллантов, учений милленаристов, эсхатологических настроений и страхов.

SUMMARY. The article is devoted to the demographic catastrophe of the middle of XIV century. Various estimates of a place and a role of «Black Death» of 1348 year are considered in the world and Western Europe's destinies, different «replies» of the communities of the West and the East to the test sent by the nature. The potential of the concept of the end of medieval history in the middle of XIV century is estimated in the article. The author analyzes «Ystoria de Morbo sive Mortalitate» of the Italian scriptor Gabriele de Mussis composed in 1348 and report on the beginning of the plague distribution during a siege by the Tatars Genoa colony of Caffa in the Crimea. The point of view of some researchers confirming the first case in the world history of the application of bacteriological weapons is criticized. The doubt that the demographic disaster of 1348 has led to a change of intrinsic bases of medieval society is expressed in the article. The strengthening of irrational tendencies in human behavior, the spread of the movement flagellants, millenaristics' doctrines, eschatological moods and fears are marked.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Черная смерть», чума 1348 г., великая пандемия, демографическая катастрофа, свидетельства Габриэле де Мусси, Джанибек, Золотая Орда, Кафа, Крым, Черное море, «Великий шелковый путь», средиземноморская торговля, татары, итальянские купцы.

KEY WORDS. «Black Death», plague of 1348 year, great pandemic, demographic accident, Gabriel de Mussis, Janibeg, Golden Horde, Caffa, Crimea, Black Sea, «Great silk way», Mediterranean trade, Tartars, Italian merchants.

* Основу статьи составил доклад, прочитанный автором на медиевистической сессии Института всеобщей истории РАН.

Феномен чумы середины XIV в., получивший устойчивое обозначение «Черной смерти» и характеризующийся нынешними историками-демографами «Великой пандемией», принадлежит к числу тех иррациональных, словно бы периферийных и случайных явлений, которые однажды оказываются эпицентром мировой истории и способны радикально изменить ее ход.

Само понятие «черная смерть» не всегда правильно производят от якобы средневекового латинского словосочетания “mors nigra”, как будто указывавшего на быстрое почернение тела умершего от неведомой болезни, словно обугленного пламенем. Современники, авторы самых ранних свидетельств о чуме 1348 г. использовали иные термины — “mors repentina” (внезапная смерть), “morbus” (болезнь), “mortalitas” (смертность), “pestis” (чума) и др. [1] Византийские авторы в таких случаях применяли термин “λοϊμός” (зараза, язва) [2].

В действительности, понятие «черная смерть» появилось полтора столетия спустя в результате не совсем точного перевода издателями XVI века. Речь шла о переводе стихотворения 1350 г. фламандского астролога Симоне Ковина, в котором был описан великий мор, названный им по-латински “mors atra”. Переводчики XVI в. передали это словосочетание по-французски “la mort noire” (сегодня преобладает понятие “la peste noire”) [3]. От него образовались итальянский вариант “la morte nera” [4], немецкий аналог “der Schwarze Tod” [5] и ставший самым распространенным сегодня английский эквивалент “the Black Death” [1].

Сама эпидемия началась на границе христианского и мусульманского миров, в Северном Причерноморье, где заканчивался Великий шелковый путь и начинался морской маршрут в Западную Европу. Самым ранним зафиксированным свидетельством о начале чумы стало небольшое сочинение итальянского автора Габриэле де Мусси 1348 года. Текст был найден около 1840 г. Августом Хеншелом [6], профессором университета Бреслау (современный Вроцлав), в университетской библиотеке. Сочинение Мусси было включено в состав историко-географического сборника XIV в. Оно открывалось заглавием: “Incipit Ystoria de Morbo sive Mortalitate que fuit anno Domini MCCCXLVIII. Compilata per Gabrielem de Mussis” (Начинается история мора или великой смертности, которая случилась в год Господа 1348. Составлена Габриэле де Мусси).

Что известно об авторе этого сочинения? Первый издатель полагал, что Габриэле де Мусси был юристом, возможно, адвокатом в Пьяченце. В 1344-1346 гг. Габриэле, по мнению Хеншела, находился в генуэзской колонии, в Кафе на крымском побережье Черного моря и стал очевидцем начала эпидемии чумы, чудом избежавшим заражения и возвратившимся в Италию.

Однако итальянский историк Гаэтано Тонони [7] в конце XIX в. обнаружил в архиве Пьяченцы серию нотариальных актов, составленных Габриэле де Мусси с 1308 по 1356 год. Его находка позволила приоткрыть завесу тайны над личностью Мусси. Он родился около 1280 г., получил образование в юридической коллегии Пьяченцы, работал нотарием вплоть до конца жизни в 1356 г., не покидая города. Габриэле де Мусси не был городским хронистом или анналистом, обязанным вести записи по текущим годам. Никто из последующих официальных историков Пьяченцы никогда не называл его имени в качестве своего предшественника. Жанра исторического описания одного стихийного бедствия не существовало. Были известны анналы королевств, хроники отдель-

ных земель, городов, истории великих событий, как например, крестовых походов. Но историй мора человечество не знало. Взяться за описание чумы Габриэле заставила исключительность бедствия, затмившего все события того времени, и стремительная смерть тех, кому по долгу служения подобало вести летописные записи. Его «История мора» не была официальным сочинением, но лишь частным свидетельством очевидца той беды, которая обрушилась на западный мир. Причем, Мусси не мог видеть, как зарождалась эпидемия в далекой и мало кому ведомой Кафе. Он получил эту информацию от пьячентинских купцов, которые жили компактной группой в Кафе в самый канун эпидемии.

Что же записал Габриэле де Мусси в своей страшной «Истории мора»? «В год Господа 1346, — сообщал пьячентинский автор, — в странах Востока, в землях татар и сарацинов распространилась необъяснимая болезнь, которая заканчивалась скорой смертью. Обширные страны всех частей света, бескрайние земли, великолепные царства, города, крепости и поселения, многолюдные и изобилующие богатствами, оказались сраженными повальной болезнью и чудовищным мором, стремительно обезлюдели и пришли в полный упадок. ...На Востоке, к Северу от Константинополя, находился город Тана. В нем по соглашению с татарами был огорожен квартал, где расположились итальянские купцы. Из-за какого-то конфликта между итальянцами и татарами, [этот квартал] был осажден, беспощадно разрушен и полностью опустошен...» [7; 144-145].

Пьячентинец не стал вдаваться в суть конфликта, который произошел в Тане между татарами и итальянцами, но его не трудно реконструировать. Подобные ситуации уже случались прежде. Так, в 1307 г. в золотоордынских городах Сарае, являвшемся столицей Золотой Орды, и Тане произошли драки между итальянцами и татарами из-за того, что итальянцы, воспользовавшись голодом и бедностью жителей степи, скупали татарских детей в рабство, а затем с большой прибылью продавали их в Египет. Итальянские кварталы в этих городах были разрушены, сами же итальянцы едва спаслись бегством по морю, укрывшись в Кафе. По тому же сценарию развивались и события 1343 года.

«Беглые христиане, — продолжал далее Габриэле де Мусси, — напуганные мощью татар, укрылись со своим имуществом и людьми на вооруженном корабле и устремились за крепостные стены города Кафы, которые в той местности некогда возвели генуэзцы. Но, ах, Боже! Орды нечестивых татар собрались отовсюду, окружили город Кафу, осадили несчастных христиан, и эта осада длилась три года. И там итальянцы, бесконечно терзаемые вражеским войском, едва могли переводить дух, когда в город прибывал корабль с продовольствием и помощью...» [7; 145 sq.].

Здесь можно заметить разницу между ситуациями 1307 и 1343 годов. В первом случае Кафа еще не располагала каменными крепостными стенами и не смогла устоять перед татарским войском хана Токты: итальянцы вынуждены были бежать из Кафы за море, предав город огню. Во втором же случае Кафа уже обладала монументальной фортификацией и могла спокойно выдерживать длительную осаду огромного войска хана Джанибека.

«И вот тогда напал на татар мор, — взволнованно пишет пьячентинский автор, — их войско уменьшалось, каждый день теряя тысячи; в этом увидели стрелы, пущенные небом, дабы умерить гордыню татар; на их телах появлялись нарывы, на сгибах суставов, в паху образовывались бубоны, они лопались, ис-

точая гной, люди бились в лихорадке и испускали дух, и никакие советы и помощь врачей не давали облегчения...» [7; 146].

Здесь с методической пунктуальностью врача-диагноста, составителя истории болезни, фиксировались жуткие симптомы бубонной чумы. Но что же было дальше?

«Татары, — подводил к роковому исходу Габриэле де Мусси — измученные таким бедствием и чумным мором, были столь обессилены и подавлены, что почувствовали обреченность на смерть без какой-либо надежды на спасение; и тогда они решили класть тела умерших на свои камнеметательные машины и забрасывать их через крепостные стены в город Кафу. Повсюду распространился невыносимый смрад, были видны горы мертвецов, от чего христиане не могли ни спрятаться, ни бежать, ни в силах освободиться, и было решено мертвецов предать морю, бросив их в волны. Вскоре весь воздух был заражен, вода отравлена, охвачена гниением, усиливая заражение; едва ли один из тысячи мог, бросив войско, бежать, но, будучи зараженным, он повсюду разносил заразу, заражая других людей и поселения. Так страшный мор обрушился на весь мир, и никто не знал, как найти путь к спасению... Великая смертность поразила китайцев, индусов, персов, мидийцев, курдов, армян, тарсийцев, кавказцев, месопотамцев, нубийцев, эфиопов, туркменов, египтян, арабов, сарацинов, греков и весь Восток...» [7; 146-147].

Есть исследователи, которые считают, что татары в данном случае впервые в мировой истории использовали биологическое оружие [8]. Впрочем, результат его «применения» лишен какой-либо осмысленной стратегической цели, поскольку татарам не удалось взять Кафу, они вынуждены были снять осаду, покинуть Крым и возвратиться в степь. Существуют и сомнения в возможности такого контагиозного распространения чумы в результате контактов с телами умерших, поскольку подлинным возбудителем чумы является чумная палочка *Yersinia pestis* [9], вирус, разносимый блохами, паразитирующими на черных крысах. Этот возбудитель был выявлен в конце XIX в. швейцарским бактериологом Александром Йерсином и был назван его именем.

Татарское войско, осаждавшее Кафу, находилось примерно на расстоянии одного километра от крепостных стен. В его расположении могли обосноваться черные крысы, а с ними и смертельно опасные блохи, разносчики инфекции. Однако ни крысы, ни тем более блохи не способны преодолеть такое большое расстояние. Камнеметные орудия, использовавшиеся в татарском войске, могли метать камни весом до 100 кг, и их требовалось приближать к стенам на расстояние 200 м, но это тоже — пояс непреодолимости для вируса.

Черные крысы — популяции, типичные для Дальнего Востока. Они могли оказаться в Северном Причерноморье с восточными караванами, прибывавшими из Китая по Великому шелковому пути, конечными пунктами которого в северных широтах были Тана и Кафа. Из этих портовых городов крысы могли мигрировать дальше в трюмах итальянских судов, разнося смертельную инфекцию дальше на Запад.

В 1347 г. чумой были охвачены государства Апеннинского полуострова, в 1348 г. эпидемия поразила Францию, королевства Пиренейского полуострова, германские земли, в 1349 г. она прошла Англию, балтийские страны, русские княжества, а в 1350 г. достигла Скандинавии и островов Северного моря.

Эта демографическая катастрофа долгое время не замечалась в российской медиевистике. Хотя на Западе первые монографические исследования, посвященные «Черной смерти», стали появляться еще в начале XX в. [10]. Наиболее значительные работы стали выходить в 1970-1980-е гг., достаточно вспомнить имена Ф. Циглера [11], У. Бовски [12], Ф. Картрайта [13], М. Постана [14] и некоторых других. Были проанализированы разнообразные источники, задействованы специалисты различного профиля, включая антропологов, биологов, историков медицины. В то же время, эпидемия рассматривалась как одно из последствий начавшегося с рубежа XIII—XIV вв. интенсивного обмена между Западом и Востоком, возобновления «Великого шелкового пути». В соприкосновение пришли два мира, отличавшиеся не только политически, социально или мировоззренчески, но и биологически, обладавшие различной иммунной системой, адаптацией к своей собственной специфической микросреде; потребовалось более столетия для формирования нового уровня иммунной защиты.

Были выявлены масштабы демографической катастрофы середины XIV в. Погибло почти две трети населения Европы, причем в странах, непосредственно выходящих к Средиземному морю и связанных торговлей с Востоком, смертность была еще выше; отдельные поселения вымерли полностью. Вспышка эпидемии приходилась на летние месяцы, достигая абсолютного максимума в сентябре. Спад наблюдался в зимний сезон. В качестве ближайшей контрмеры стали вводиться карантин, устанавливаться кордоны, запрещавшие проход в европейские порты судов, прибывавших с Востока; были разработаны жесткие правила санитарии. Одним из средств борьбы с чумой было окуривание ладаном. Медиевисты обратили внимание на то, что чума была более губительной в урбанизированных областях Европы, слабее затронув сельские районы; отдельные аграрные местности Центральной Европы, изолированные от внешнего мира горным рельефом, остались нетронутыми оазисами посреди опустошительной стихии «Черной смерти».

“Black Death” середины XIV в., по убеждению многих специалистов, в особенности столь авторитетных, как Дэвид Херлихи [15], Ларс Бёрнер и Баттиста Северьнини [16], поставила Западную Европу перед сложнейшими проблемами социального, экономического и, очевидно, политического порядка, решение которых привело к радикальной трансформации феодального общества в новоевропейское. Один из новейших исследователей этой проблемы, немецкий ученый, счастливо соединяющий степени доктора истории и медицины, Клаус Бергдольт, считает несомненным, что “Schwarzer Tod” середины XIV в. знаменует конец средневековья и начало нового времени [5].

Приводимые аргументы кажутся весьма основательными. Действительно, сокращение численности населения Западной Европы на 75% привело не только к резкому дефициту рабочей силы, не только к беспрецедентной переоценке ее стоимости, многократному ее увеличению, но и усилению личностного, индивидуального начала, установлению юридических взаимоотношений между участниками социально-экономического процесса, проявлению рационального, творческого потенциала человека. Как раз тогда возникает заинтересованность в компенсации недостающей рабочей силы механизмами, техническими усовершенствованиями, прогрессивными технологиями. Не случайно на ближайшие вслед за чумой годы приходятся крупнейшие открытия и изобретения в техни-

ке, тогда же возникают новые формы организации хозяйства на свободной, контрактной основе.

И все же, есть некоторое сомнение в глубине и всеохватности подобной трансформации. Тенденции секуляризации сознания, апологии практической деятельности человека имели место и раньше. Однако внезапно вспыхнувшая эпидемия воспринималась в тогдашнем сознании не как импульс к созидательной деятельности, но как божья кара за чрезмерный прагматизм, за губительное служение деньгам. Кажется, необъяснимая рассудочно «Черная смерть» усилила не рационализм, а глубинные религиозно-мистические чувства, свойственные средневековой ментальности. Стоит лишь вспомнить пример Джованни Боккаччо, невольного свидетеля трагедии тех лет, сочинившего знаменитый «Декамерон» в первый год чумы, но вскоре отрекшегося от своего творения и вставшего на путь покаяния. В этом же ряду стоят массовые движения флагеллантов, распространение милленаристских учений, эсхатологических настроений, массовых страхов и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Black Death / transl. and ed. by R. Horrox. Manchester: UP, 1994.
2. Albert, J. The Black Death. The great mortality of 1348-1350. A brief history with documents. London: Palgrave Macmillan, 2005.
3. Audouin-Rouzeau, F. Le chemins de la peste. Le rat, la puce et l'homme. Paris: Éd. Tallandier, 2007.
4. Hatcher, J. La morte nera. Storia dell'epidemia che devastò l'Europa nel Trecento. Bologna: B. Mondadori, 2010.
5. Bergdolt, K. Der Schwarze Tod: die Große Pest und das Ende des Mittelalters. München: C.H. Beck, 2000.
6. Henschel, A.W. Document zur Geschichte des Schwarzen Todes // Archiv für die gesamte Medizin. Jena, 1841. S. 45-57.
7. Tononi, A.G. La peste dell' anno 1348 // Giornale ligustico di archeologia, storia e letteratura. Ann. XI. No. III-IV. Genova, 1884. P. 139-151.
8. Wheelis, M. Biological warfare at the 1346 siege of Caffa // Historical review. 2002. Vol. 8. No. 9. P. 4-7.
9. Kirsten, B. A draft genome of *Yersinia pestis* from victims of Black Death // Nature. 2011. No. 478. P. 506-510.
10. Levett, A.E. The Black Death. Oxford, 1916.
11. Ziegler, Ph. The Black Death. L.: Collins, 1969.
12. The Black Death — A turning point in history / Ed. by W. Bowsky. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971.
13. Cartwright, F. Disease and history. L.: H.D. Ruppert, 1972.
14. Postan, M. Essays on medieval agriculture and general problems of the medieval economy. L.: UP, 1973.
15. Herlihy, D. The Black Death and the transformation of the West. Cambridge Mass.: Harvard college, 1997.
16. Boerner, L., Severgnini B. Epidemic trade. Berlin: Freie Universität; Copenhagen: Business school, 2012.

REFERENCES

1. The Black Death / transl. and ed. by R. Horrox. Manchester: UP, 1994.
2. Albert, J. The Black Death. The great mortality of 1348-1350. A brief history with documents. London: Palgrave Macmillan, 2005.
3. Audouin-Rouzeau, F. Le chemins de la peste. Le rat, la puce et l'homme. Paris : Éd. Tallandier, 2007.
4. Hatcher, J. La morte nera. Storia dell'epidemia che devastò l'Europa nel Trecento. Bologna: B. Mondadori, 2010.
5. Bergdolt, K. Der Schwarze Tod: die Große Pest und das Ende des Mittelalters. München: C.H. Beck, 2000.
6. Henschel, A.W. Document zur Geschichte des Schwarzen Todes // Archiv für die gesamte Medizin. Jena, 1841. S. 45-57.
7. Tognoli, A.G. La peste dell' anno 1348 // Giornale ligustico di archeologia, storia e letteratura. Ann. XI. No. III-IV. Genova, 1884. P. 139-151.
8. Wheelis, M. Biological warfare at the 1346 siege of Caffa // Historical review. 2002. Vol. 8. No. 9. P. 4-7.
9. Kirsten, B. A draft genome of *Yersinia pestis* from victims of Black Death // Nature. 2011. No. 478. P. 506-510.
10. Levett, A.E. The Black Death. Oxford, 1916.
11. Ziegler, Ph. The Black Death. L.: Collins, 1969.
12. The Black Death — A turning point in history / Ed. by W. Bowsky. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971.
13. Cartwright, F. Disease and history. L.: H.D. Ruppert, 1972.
14. Postan, M. Essays on medieval agriculture and general problems of the medieval economy. L.: UP, 1973.
15. Herlihy, D. The Black Death and the transformation of the West. Cambridge Mass.: Harvard college, 1997.
16. Boerner, L., Severgnini B. Epidemic trade. Berlin: Freie Universität; Copenhagen: Business school, 2012.